

Статья посвящена истории слова *оскорбление*. Анализ употребления слова в текстах XVIII в. позволяет установить, что в этот период оно еще сохраняло значение 'причинение кому- или чему-либо ущерба, вреда', которое не фиксируется в словарях. В статье рассматривается сочетаемость слова в этом значении, а также производные значения, возникшие на его основе.

Ключевые слова: *русский язык; историческая лексикология; семантика; сочетаемость; словарное толкование.*

Слово *оскорбление* фиксируется в памятниках русского языка с XII в. По данным исторических словарей, до XVII в. оно употреблялось для обозначения, во-первых, чувства печали, огорчения, скорби, во-вторых – причинения кому- или чему-либо вреда, ущерба, как материального, так и нематериального, а также самого этого ущерба [ДРС: VI, 166; СлРЯ XI–XVII: XIII, 96–97].

Если обратиться к словарям, описывающим русский язык XVIII в., может показаться, что к этому времени слово уже утратило последнее из этих значений: в «Словаре Академии Российской» оно толкуется как «раздражение; причинение досады, прискорбия» [САР: V, стб. 489]; в современном академическом «Словаре русского языка XVIII века» *оскорбление* имеет три значения:

1. Действ. и состояние по гл. *оскорбить* – *оскорблять* (т.е. тяжело обидеть, унижить, задеть в ком-либо какие-либо чувства. – В.И.).

2. *Оскорбительное действие*, поведение, поступок, *высказывание*...

3. *Печаль, огорчение, скорбь* [СлРЯ XVIII: XVII, 105–106].

По определению этого словаря, следы древнерусского значения 'причинение вреда, ущерба' могут быть обнаружены в первом из этих значений и проявляются в некоторых его специфических употреблениях [Там же]. Между тем функционирование слова *оскорбление* в текстах XVIII в. позволяет говорить о том, что на протяжении всего этого периода оно могло обозначать нанесение вреда или сам

вред, и эти случаи далеко не всегда могут быть расценены как его особое употребление в значении 'нанесение тяжелой обиды, унижение'.

Слово *оскорбление* в значении 'вред, ущерб' характеризовалось особой сочетаемостью. Если в современном русском языке глагол *оскорбить* – *оскорблять* и существительное *оскорбление* сочетаются с наименованиями лиц или их чувств (*оскорбить человека, девушку, женщину, товарища, чьи-либо чувства, чье-либо самолюбие, чью-либо гордость*) [Денисов, Морковкин 1983: 347], то в XVIII в. в функции объекта действия могли использоваться неодушевленные и абстрактные существительные: *власть, важность, слава, религия, право, честь, закон*. Приведем пример из «Артикула воинского» 1715 г.:

По сему артикулу никакой офицер, ни салдат, не может оправдаться, хотя с ним от фельдмаршала, и генерала непристойным образом поступлено будет, и ему от них некоторым образом *оскорбление славы* учинится¹.

Речь здесь идет о том, что *славе*, т.е. репутации офицера или солдата, может быть нанесен вред, причинен ущерб.

Случаи подобного употребления слова *оскорбление* встречаются на протяжении всего XVIII в. Так, в 31-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1760 г. сообщается о нанесении ущерба авторитету епископа города Вюрцбурга:

¹ В статье цитируются материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), примеры из НКРЯ, а также собственные материалы автора статьи. Примеры приводятся в упрощенной орфографии: *ъ* на конце слов не воспроизводится, буквы *і, ъ, ѳ, ѱ* заменяются на *и, е, ф, о* соответственно.

В Вицбургском епископстве Французы публиковали манифест, чтоб никто без их позволения не дерзал закупать съестных припасы. Епископ, почитая сие за *оскорбление своей власти*, учинил против того представления.

В сходном контексте слово употреблено в переводе трактата У. Блэкстона «Комментарии к законам Англии» (1780–1782). В следующем отрывке решается вопрос о том, будет ли нанесен ущерб закону, т.е. будет ли нарушен закон:

Всеобщая трезвость есть должность относительная и законом предписанная; а трезвость частная есть должность каждого человека, в особенности которая может быть исполняема или пренебрегаема без *оскорбления закона*, которой по тому не может усугубить силы ея и не обязан смотреть, чтоб она была наблюдаема.

В том же значении ‘нанесение вреда, ущерба’ слово *оскорбление* представлено и в терминологическом сочетании *оскорбление величества*. В русском языке этот термин появился в Петровскую эпоху как соответствие иноязычным обозначениям преступлений против особы государя – лат. *crimen laesae maiestatis*, франц. *lèse-majesté*, нем. *Majestätsbeleidigung*. Подобные преступления были известны русскому законодательству и раньше: они рассматриваются в Соборном Уложении 1649 г., но еще не имеют там единого наименования и могут обозначаться как *измена, скоп, заговор* [Тихомиров, Епифанов 1961: 72–75]. Однако и в XVIII в. *оскорбление величества* не стало полноправным термином законодательства. В текстах законов сочетание использовалось крайне редко, в частности, оно встречается в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» 1715 г. и в некоторых манифестах Екатерины II – манифесте от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева», «Сентенции о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева» от 10 января 1775 г., Манифесте от 21 апреля 1775 г. «О поединках». Сферой бытования этого термина были работы по теории права, прежде всего переводные, и даже законодательные акты, в которых он отмечен, являются

в большей степени правовыми декларациями, чем предписанием норм.

По смысловому соотношению элементов составной термин *оскорбление величества* совпадает с рассмотренными ранее сочетаниями *оскорбление закона*, *оскорбление права* и т.п., поскольку слово *величество* здесь также является абстрактным существительным и называет не лицо, как может показаться, а состояние, положение правителя, т.е. имеет здесь значение ‘величие’. На это указывают достаточно многочисленные случаи употребления термина с несогласованным определением к слову *величество*. Ср. пример из перевода трактата Ш. Монтескье «О духе законов» 1775 г.:

В одном Римском законе запрещается описывать именование, кроме только за одно *оскорбление Величества первого правителя*. Весьма бы благоразумно поступано было, если бы и часто исполнялося по сему закону.

Следующий пример встретился в одном из «Слов» Платона Левшина:

И потому-то суд на земли совершаемый почитается судом Божиим. Ибо как верховный света Правитель вся содержит числом, весом и мерою, то по сему и хочет и повелевает, дабы суд именем его на земли управляющие подражали правосудной Его святости. Следовательно, кто б нарушал сие обязательство, тот не только ответствовать должен в причиненном другому нещастии, но и во *оскорблении величества Бога* сим преимуществом его почетшаго. (Л е в ш и н. Слово 1777 [НКРЯ]).

Другими словами, *величество* здесь – не титул монарха, а указание на его статус, положение. Следовательно, *оскорбление величества* – это нанесение ущерба власти правителя, его авторитету, а слово *оскорбление* в составе термина имеет значение ‘причинение вреда, ущерба кому-либо’. Это подтверждается и сопоставлением с иноязычными наименованиями преступления: латинский глагол *laedere* и французский *léser*, входящие в состав соответствующих обозначений, также указывали на ущерб:

laedere – «To injure, damage, harm, hurt» [OLD: 995];

léser – «Offenser, faire tort» [DAF: II, 25].

В значении ‘вред, ущерб’ слово *оскорбление* могло сочетаться с абстрактными существительными, но это значение не было фразеологически связанным, употребляясь и в других типах сочетаний. Например, в следующем фрагменте из указа Петровской эпохи речь идет об ущербе, который высокие пошлины могут нанести купцам:

Чтоб в Даурах Русским людям и иноземцом в таможенных пошлинах напрасного *оскорбления* не было никоторыми делы... (ПСЗ, т. III, № 1542).

Слово *оскорбление* в старом значении встречается и в языке художественной литературы. Приведем пример из «Путешествий Гулливера» в переводе Ерофея Коржавина (1772):

Но пришло мне на ум сколь я жестокою боль от них (лилипутов. – *В.И.*) чувствовал; а по видимому могут они учинить мне еще и жестокае оной: к тому же вспомнил я данное свое слово не сделать им никакого *оскорбления*, ибо в моем ответе унижение и покорность сие то самое значили.

В данном контексте имеется в виду не обида или моральное унижение, а физический вред, который Гулливер боится причинить окружившим его лилипутам своими движениями.

Значение ‘причинение вреда, ущерба’ у слова *оскорбление* не просто сохранялось в употреблении на протяжении всего XVIII в., но и служило основой для семантического развития слова. В последней трети столетия именно это значение сделало возможным употребление слова *оскорбление* как обозначения преступлений. Этому способствовали определенные условия. Во-первых, в работах по юриспруденции в качестве наименования преступлений достаточно часто использовались сочетания *оскорбление закона*, *оскорбление права*. В результате усечения варьирующихся элементов этих полутерминологических сочетаний слово *оскорбление* и приобретало значение ‘преступление’. Во-вторых, само слово *преступление*, которое в конце XVIII в. уже было основным наименованием соответствующего понятия, в это время еще сохра-

няло тесную связь с глаголом *преступить* ‘нарушить’ и само обладало значением ‘нарушение чего-либо’, его современное значение в «Словаре Академии Российской» еще отмечено как переносное [САР: V, стб. 762]. Таким образом, слова *оскорбление* и *преступление* оказывались синонимами по значению ‘нарушение’, что заметно и по их употреблению в текстах XVIII в. Так, в следующем отрывке из III части «Московского журнала» за 1791 г. одно из этих слов используется в качестве пояснения к другому:

От стр. 381 до 419 описывается их религия, священники, жертвоприношения и то, что они называли *преступлениями*, или *оскорблениями религии*. Сюда же, кажется, принадлежала та глава, где он говорит о их празднествах.

Слово *оскорбление* в значении ‘преступление’ использовали два автора – профессор Московского университета С.Е. Десницкий и А.Н. Радищев. Первые подобные примеры появились в переводе трактата английского правоведа У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов», который был опубликован С.Е. Десницким в 1780–1782 гг. В этом тексте слово *оскорбление* может использоваться в качестве обозначения уголовных и гражданских преступлений, соответствуя английским терминам *crime*, *offense* или *civil injury*, ср:

Определяет также сей закон (общее право Англии. – *В.И.*)... чтоб нарушение спокойства общаго почиталось *оскорблением*, и как такое наказуемо было денежным штрафом и заключением тюремным. (Блэкстон, 1780–1782, I). – ...that breaking the public peace is an *offense*, and punishable by fine and imprisonment. (Blackstone 1778/1890).

Вслед за С.Е. Десницким слово *оскорбление* в значении ‘преступление’ начинает использовать А.Н. Радищев. Русский перевод трактата Блэкстона был хорошо известен писателю: один из героев «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) на вопрос, читал ли он Блэкстона, отвечает, что «читал первыя две части на Российской язык переведенныя» и добавляет: «Нехудо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов,

заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь» [Радищев в 1938: I, 259]. Сам Радищев высоко ценил сочинение английского правоведа, с которым, как и его герой, познакомился в переводе Десницкого, часто ссылаясь на трактат в собственных сочинениях и пользовался его терминологией.

Слово *оскорбление* в значении 'преступление' встречается в нескольких работах Радищева – в «Опыте о законодательстве», «Проекте гражданского уложения», а также в заметках писателя. Заимствуя этот термин из «Истолкований английских законов», Радищев обращает внимание на его многозначность:

Оскорбление или есть нарушение права естественного и суть обиды гражданския, или нарушение права общаго и суть преступления. (Радищев в. Оп. о законодательстве, 1782–1790).

В некоторых контекстах Радищев снимает эту многозначность при помощи внутритекстовых глосс или уточняющих определений. Например, третья часть неоконченного «Опыта о законодательстве» носит название «Об обидах, оскорблениях частных», а в следующем фрагменте слово *оскорбление* в значении 'гражданское правонарушение' глоссируется словом *обида*, которое в XVIII в. было обычным наименованием этого понятия. Ср.:

Причинение вреда, ущерба или убытка есть *обида* или *оскорбление*; неисполнение обязанности неминуемой есть так же *обида* или *оскорбление*. (Радищев в. Проект гражд. уложения, 1801).

Однако в ряде случаев определить значение слова *оскорбление* сложнее:

Часть I содержит статью о главе империи – о наследии престола – о правах государственных и казенных – о правах граждан – о разделении народа на состояния, дворянство, гражданство, поселян, духовенство, и пр. – О правосудии и исправлении *оскорблений*. (Радищев в. Заметки).

Речь здесь может идти как об уголовных преступлениях, так и обо всех случаях нарушения законов вообще. Если верно второе предположение, то слово

используется здесь в функции гиперонима – общего наименования преступлений. Согласно данным Большой словарной картотеки ИЛИ РАН и Национального корпуса русского языка (НКРЯ), после Радищева слово *оскорбление* в значении 'преступление' уже не употреблялось.

Таким образом, слово *оскорбление* на протяжении всего XVIII в. сохраняло значение 'причинение кому- или чему-либо вреда, ущерба; нарушение чего-либо'. Это значение было достаточно устойчивым: оно характеризовалось широкой сочетаемостью, могло употребляться в текстах различной жанровой и стилистической принадлежности и даже было способно образовывать новые устойчивые сочетания (*оскорбление права, оскорбление закона*) и развивать новые значения ('преступление').

Однако в XVIII в. оно уже находилось на периферии семантической структуры слова. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», еще в XVI в. слово *оскорбление* начинает употребляться как обозначение нанесения тяжкой обиды, унижения [СлРЯ XI–XVII: XIII, 96]. В XVIII в. происходит активное развитие этого нового значения и его постепенное закрепление в качестве основного. Несмотря на еще сохранявшуюся возможность сочетаться с абстрактными существительными, в это время *оскорбление* гораздо чаще присоединяет наименования лиц и их чувств в качестве объекта действия. В НКРЯ для этого периода зафиксированы, например, сочетания *оскорбление брата, других персон, многих дворян, третьего <лица>, отдаленных <от престола людей>, самолюбия, чести, чувства*.

Окончательное «возвращение» слова *оскорбление* в сферу наименований чувств и эмоций происходит в XIX в. В это время оно, с одной стороны, начинает употребляться с такими глаголами, как *чувствовать, ощущать*, что иногда приводит к любопытному слиянию старого и нового значений, как, например, в следующем фрагменте из «Русской истории» Н.И. Костомарова (1862–1875):

Новгородцы *почувствовали оскорбление своих прав*, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем [НКРЯ].

С другой стороны, слово *оскорбление* утрачивает способность управлять абстрактными существительными, не называющими чувства человека. Отныне такие слова могут употребляться в этой позиции только в переносном значении, как, например, в отрывке из «Записок жандармского штаб-офицера» Э.И. Стогова, где речь идет об оскорблении представителей власти, а не власти как таковой. Ср.:

Моя обязанность устранить всякое публичное *оскорбление власти*, поставленной государем; я пришел доложить вам: пока Загряжский является губернатором, вы не можете выполнить своего намерения.

Однако, как показывают материалы НКРЯ, сочетания *оскорбление власти*, *оскорбление правосудия*, *оскорбление права*, в которых зависимые существительные употреблены в своем прямом значении, продолжали использоваться до сере-

дины XIX в. Таким образом, только к этому времени старое значение слова *оскорбление* – ‘причинение кому- или чему-либо вреда, ущерба’ – окончательно выходит из употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. – М.; Л., 1938. – Т. 1.

Словарь Академии Российской. – М., 1789–1794. – Ч. I. – VI [САР].

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М., 2000. – Т. VI [ДРС].

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1987. – Вып. 13 [СЛРЯ XI–XVII].

Словарь русского языка XVIII века. – СПб., 2007. – Вып. 17 [СЛРЯ XVIII].

Словарь сочетаемости русского языка / Под ред. П.И. Денисова, В.В. Морковкина. – М., 1983.

Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. – М., 1961.

Dictionnaire de l'Académie Française. – Paris, 1762. – Т. I–II. [DAF].

Oxford Latin Dictionary. – Oxford, 1994 [OED].

(Окончание текста со с. 66.)

В предложениях с прямым порядком слов рекомендуется использовать форму множественного числа: *Четверо выпускников пришли на собеседование.*

Однако и в предложениях с обратным порядком слов допустима форма множественного числа, которая получает все большее распространение в современной речи в конструкциях с собирательными числительными или количественно-именными сочетаниями, их включающими, например: *На второй день выступили трое свидетелей.*

Форма единственного числа признается обязательной в предложениях, в состав которых входят личные местоимения (*Нас было трое. Их собралось пятеро*), а также в предложениях, где собирательное числительное является именной частью сказуемого (*Выступавших было всего двое*).